

Алексей Вдовин

Реализм аффектов: Телесность, физиологизм и душевное расстройство в *Степном короле Лире* И.С. Тургенева*

Феномен реализма как "большого стиля" письма XIX века продолжает привлекать внимание исследователей. Наряду с такими хорошо известными приемами, как социальная детерминация и "эффект реальности" (Р. Барт), существуют и другие. К ним относятся, например, техника "прозрачного мышления" (Cohn 1978: 8-9; Fludernik 1993) и апелляция к естественнонаучной эпистемологии (Levine 1988; Merten 2003). Недавно Ф. Джеймисон предложил видеть еще одну черту реализма в усложнении нарративной техники изображать аффекты. Джеймисон определяет реализм через качественно новую (по сравнению с романтической) нарративную темпоральность, которая позволяла писателям изображать сам процесс возникновения аффектов как "волн телесных ощущений". Будучи сложными состояниями, аффекты сопротивляются любому языку, в котором нет разработанных категорий для их описания, и реалистический роман XIX века сосредоточился на художественном исследовании и объяснении возникновения и течения человеческих аффектов, объединяющих душевную и телесную сферы (Jameson 2013: 28-31, 35).

Концепция "реализма аффектов" Джеймисона может быть дополнена и историзирована через обращение к истории физиологии и психологии самих по себе и в их многочисленных пересечениях с литературным дискурсом эпохи реализма. Широко известно повышенное внимание реализма к эволюционной теории (Beer 1983; Levine 1988). Как показывают недавние работы, к ним следует добавить и физиологическую психологию 1860-70-х годов, которая выработала собственную физиологическую теорию psychological self, отдающую приоритет неосознанным и произвольным телесным импульсам ("non-conscious"), нежели подсознанию, каким мы его знаем после работ З. Фрейда (Dames 2007; Dames 2011). Дж. Досси в недавней диссертации продуктивно включает в круг релевантных для реализма научных дисциплин и раннюю российскую психиатрию, рассматривая непрозрачность мышления и аффективность персонажей *Обломова* И.А. Гончарова, *Отцов и детей* И.С. Тургенева, *Господ Головлевых* М.Е. Салтыкова-Щедрина и *Братьев Карамазовых* Ф.М. Достоевского в контексте идей российских психиатров 1840-60-х годов о "нечитаемости" сознания (Dossi 2022).

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

Составители сборника *Русский реализм: общество, знание, повествование* так же напоминают о продуктивности рассматривать реализм как дискурсивное пространство вымысла (fiction), которое постоянно обращалось к научным теориям и дисциплинам своего времени и само, в свою очередь, поставляло различные нарративные модели и паттерны для научных сочинений (Вайсман и др. 2020: 43-44). Один из способов реализовать такую исследовательскую программу – сделать объектом изучения не только потенциальное воздействие научных дискурсов на воображение того или иного автора, но и изучение самой повествовательной формы. В частности, следуя в русле концепции Джеймисона, можно выдвинуть предположение, что реалистическая проза второй половины XIX века, подпитываясь открытиями из динамично развивавшихся физиологии и психологии, все больше должна была конструировать субъективность персонажей через их телесность и аффективность, а не только за счет традиционных интроспекций.

В статье я попытаюсь обосновать такой интердискурсивный подход на примере повести И.С. Тургенева *Степной король Лир* (опубл. в 1870). Поздняя проза писателя, с легкой руки прижизненной критики (например, Н.Н. Страхова), часто рассматривается как малоактуальная для его времени, как эскапистская попытка уйти от острых проблем современности в области “таинственного” и исторического, однако даже в позднесоветском тургеневедении существовали прямо противоположные мнения. Так, например, А.Б. Муратов и Л.Н. Осьмакова связали некоторые произведения Тургенева 1860-80-х годов с научным контекстом эпохи и доказали, что писатель очень быстро и заинтересованно реагировал на серьезные естественнонаучные вызовы эпохи (Муратов 1980; Осьмакова 1984). Я не просто суммирую все, что известно об интересе Тургенева к физиологии и психологии в 1860-70-е годы, но и предпринимаю попытку показать на примере *Степного короля Лира*, каким образом эти знания могли отразиться на нарративной форме, стиле и конструировании субъективности заглавного персонажа – Мартына Харлова.

Согласно моей гипотезе, изображение переживаний и поступков человека в прозе Тургенева с конца 1860-х годов становится гораздо более физиологичным и аффективным, чем ранее. Переломным текстом в этом смысле стала повесть *Степной король Лир*, до сих пор не изученная в этом аспекте. В ней Тургенев натуралистично описывает внешний вид и поведение заглавного героя, акцентируя внимание читателя на телесности и закрывая доступ во внутренний мир, о котором читателю предстоит догадываться по внешним знакам – цвету лица, запаху, жестам, жилам, венам, судорогам и прочим физиологическим проявлениям. Истоки такой манеры я усматриваю в обостренном интересе Тургенева к физиологии и психологии 1860-х годов, в контекст которой я помещаю повесть. Статья не только прослеживает, какие именно физиологические исследования точно были известны писателю, но и доказывает, что, делая Харлова меланхоликом, Тургенев явно намекал на меланхолию как душевное расстройство и причину аффектов. Я предполагаю, что физиологизированное изображение аффектов протагониста служит для осмысления национальных и

этнических черт его темперамента. Подчеркиваемая рассказчиком “русскость” Харлова конструируется не как статичное состояние, но как постоянный и часто немотивированный переход из одного состояния в другое – как вспышки аффектов, которыми герой не может управлять. В такой перспективе декларируемая “русскость” может приобретать явно ироническое толкование¹. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что предлагаемое мной прочтение не редуцирует сложность мотивной структуры *Степного короля Лиры* до единственной черты, а лишь добавляет к ней еще один слабо изученный аспект.

1. Телесность и физиологизм

Как и другие поздние повести Тургенева, *Степной король Лир* рассказан от первого лица 15-летним подростком – свидетелем событий – 30 лет спустя. Такая нарративная позиция сразу же задает доминирующий принцип внешнего наблюдения и позволяет рассказчику сосредоточивать внимание на эмоциях (т.е. внешних проявлениях чувств²) других героев, на их состояниях и поступках. В центре повествования – тип и трагическая судьба столбового, хотя и малообразованного дворянина Мартына Харлова, который, опасаясь скорой смерти, переписывает свое небольшое имение на двух дочерей Евлампию и Анну, а затем изгоняется ими из дома. Прямая проекция образа Харлова на заглавного героя трагедии У. Шекспира призвана подчеркнуть центральную тему повести – тему власти и ее влияния на психику и личность человека³. Эта проблематика лежит на поверхности, проговаривается в тексте через сопоставление жажды манифестировать власть у Харлова (а в финале у его дочери Евлампии) и в целом не единожды анализировалась тургеневедами. Однако ее стилистическая и нарративная подача и репрезентация в тексте не привлекали внимания. Рассмотрим ее подробнее.

Как подчеркивает Джеймисон, “говорить об аффектах значит всегда говорить о теле” (Jameson 2013: 34). Повесть Тургенева пронизана лейтмотивом телесности Харлова, который с самой первой встречи с рассказчиком описывается преимущественно через телесные проявления. В самом начале Мартын Петрович представлен рассказчиком как раблезианская фигура огромного роста, веса, размера и силы. Гиперболизированный характер имеют описания “пространного” лица, рук-“подушек”, плеч – “мельничных жерновов”, ушей – “калачей” и т.д. (Тургенев 1981: 159-160). Ги-

¹ Мой тезис отчасти полемичен прочтению Е. Фоминой, которая полагала, что “русский аффект” Харлова возвышается “до трагического безумия шекспировского героя” (Фомина 2014: 54). Я полагаю, что этническая идентичность в повести намеренно амбивалентна и может прочитываться как в “шекспировском”, так и в сниженно-ироническом регистре. О втором – далее.

² В современной психологии чувства рассматриваются как приватные, а эмоции как публичные проявления переживаний (Palmer 2004: 115).

³ Шекспировский пласт детально рассмотрен в Волков 2022: 233-358.

гантские размеры Харлова обыгрываются в шутке одного из его собеседников, который уподобляет его вымершим доисторическим существам – мастодонтам и мегалотериям (*Там же*: 161)⁴. Гиперболизация перерастает в гротеск, когда Харлов говорит, что внес свою миниатюрную жену в дом “на ладони” (*Там же*: 162), а рассказчик подчеркивает, что из-за источаемого “духа” (читай – запаха или даже вони из-за повышенного потоотделения) Мартына Петровича в их доме никогда не пускали дальше столовой (*Там же*: 163).

После судьбоносного вещего сна о жеребенке, в котором Харлову видится грядущая смерть, у него на короткое время нарушается действие левых руки и ноги, в чем он подозревает паралич (*Там же*: 175). Если в этот раз паралич оказывается лишь кратким онемением конечностей, затекших после сна, то в финале, когда герой падает с крыши, его разбивает настоящий паралич: вся левая часть тела оказывается у него обездвиженной⁵:

Потом он слабо повел одной – правой рукой (Максимка поддерживал левую), раскрыл один – правый глаз и, медленно проведя около себя взором, словно каким-то страшным пьянством пьяный, охнул (*Там же*: 220).

Кровь вдруг густо хлынула у него изо рта – все тело затрепетало.

“Конец!” – подумал я... Но Харлов открыл еще все тот же правый глаз (левая века не шевелилась, как у мертвеца)... (*Там же*: 221)

Насколько телесность в описаниях Харлова бросалась в глаза, хорошо демонстрируют отзывы двух известных читателей – Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова. Последний в письме к Достоевскому от 23 ноября 1870 года сообщал:

“Король Лир” Тургенева произвел довольно сильное впечатление, хотя, несмотря на всю эффективность – многих совершенно оттолкнула брезгливость тона и вялость рассказа. Как боязлив стал Тургенев! У него очевидно бродят разные мысли насчет русской жизни, – но он не решается их прямо и ясно высказывать, и все рассказывает странные истории и курьезные случаи, будто бы не имеющие дальнейшего значения (Пиксанов, Цеховницер 1940: 269).

⁴ По данным Национального корпуса русского языка, лексема “мастодонт” появляется в русской прозе в 1833 году в фантастической повести О.И. Сенковского *Ученое путешествие на Медвежий Остров*, затем в *Докторе Крупове* Герцена (1846), романе Вс. Крестовского *Петербургские трущобы* (1864–66), публицистике М.Е. Салтыкова-Щедрина 1860-х годов, однако только Крестовский и Щедрин начали прямо именовать крупных людей мастодонтами. Слово “мегалотерий” – гораздо более редкое. НКРЯ дает лишь саму повесть Тургенева и *Очерки Крыма* Евг. Маркова (1872). Корпус русского романа на платформе “СОЦИОЛИТ” (<https://sociolit.ru>; НИУ ВШЭ) дает еще один текст Маркова – роман *Черноземные поля* (1876).

⁵ Любопытно, что еще в описании агонии Базарова в *Отцах и детях* фигурирует лишь один открытый глаз умирающего героя (“один глаз его раскрылся”).

Достоевский соглашался: “Напыщенная и пустая вещь. Тон низок” (Достоевский 1986: 153). Очевидным образом смешивая фигуру имплицитного автора с фигурой рассказчика, Страхов и Достоевский, тем не менее, реагировали, судя по всему, именно на гротескный физиологизм описаний Харлова, построенный на контрасте между сниженным стилем (“низкий тон”) и высоким шекспировским образцом.

Однако на этот контраст можно взглянуть и иначе. Дело в том, что брутальность, зримая материальность и контрасты между высоким и низким в высшей степени характерны для поэтики трагедий Шекспира, что Тургенев и его современники могли чувствовать, даже если тогда еще не было многочисленных исследований на эту тему. В *Степном короле Лиры* лейтмотивом, маркирующим и раскрывающим идентичность (“русскость”) героя, становятся телесные проявления напряженной душевной драмы Харлова, приводящие к резким изменениям в его настроении и поступках. Иными словами, перед нами как раз аффективная сторона натуры персонажа, которая, в отличие от тонких ощущений, хорошо поддается внешнему наблюдению и методично фиксируется рассказчиком. Перед тем, как перейти к анализу аффективности Харлова, необходимо выяснить, что наука середины XIX века думала об аффектах и что мог знать о них сам Тургенев.

2. Теория аффектов и физиология 1860-х годов

К 1860-м годам, когда Тургенев приступил к созданию *Степного короля Лиры*, теория аффектов была уже хорошо разработанной областью психологии и судебной медицины в разных европейских странах. Новаторские работы немецких и французских психиатров начиная с конца 1850-х годов начали освещаться в российских научных изданиях и переводиться на русский. Так, например, в 1868 году ведущий российский отраслевой журнал “Архив судебной медицины и общественной гигиены” перевел статью берлинского доктора Адольфа Лиона *Аффекты и страсти* (оригинал: Lion 1866), в которой давалось следующее определение аффекта:

Аффекты, *animi perturbation s. animi motus*, есть внутренне живое чувство, которое нарушая равновесие душевного строя, очевидно производит беспорядок в отправлениях телесных и психических и, на очень высокой степени, даже мгновенно прекращает их. Это чувство может быть различного рода и протекает различные степени, начиная от душевного волнения и кончая аффектом (Лион 1868: 4).

Уделяя особое внимание физиологическим отличиям проявления страстей от проявления аффектов, Лион особо подчеркивал “их могущественное влияние на тело. Аффекты могут обуславливать телесные ненормальности всякого рода, даже причинять внезапную смерть” (Лион 1868: 20). К основным аффектам ученый относил удовольствие и боль, из которых проистекают одушевление, гнев, отвага и страх (Лион 1868: 5). Позднее в 1880-е годы выдающийся датский физиолог и психолог Карл Ланге усовершенствовал классификацию эмоций и разработал научную теорию

аффектов, которые отныне были по физиологическим критериям отделены от эмоций и страстей. Аффекты, по Ланге, это простейшие душевные движения, всегда сопровождающиеся телесными физиологическими проявлениями (например, печаль, радость, страх, испуг, гнев). В отличие от них, чувства (страсти – такие как любовь, ненависть, презрение, изумление и др.) устроены более сложно, состоят из цепочки, слияния аффектов и длятся гораздо дольше, вовлекая в процесс сферы рассудка и представления. Ученый впервые в науке описал, какие физиологические проявления характерны для каких аффектов (Ланге 1890: 4-7). Так, печаль и тоска сопровождается ослаблением или параличом аппарата произвольных мышц, их слабой иннервацией, развивается субъективное чувство усталости; происходит судорожное сужение кровеносных сосудов, приводящее к малокровию (отсюда бледность, дрожь и пр.) (Там же: 9-10). Напротив, при аффективном состоянии гнева/неистовства происходит расширение сосудов, покраснение и припухание кожи, слизистые оболочки (глаз) наливаются кровью, надувание крупных вен, особенно на шее; нарушается иннервация отдельных мышц, приводящая к непроизвольным движениям одних мышц и параличу других (Там же: 19-20).

Тургенев всегда интересовался новыми исследованиями в естественных науках. В 1860 году, продумывая сюжет *Отцов и детей*, он проштудировал *Физиологические письма* Карла Фогта⁶. В конце 1860-х годов в переписке писателя наблюдается новый всплеск интереса к физиологии. В 1868 году Тургенев заказывает и прочитывает диссертацию русского историка философии и психолога, основателя Московского психологического общества Матвея Михайловича Троицкого *Немецкая психология в текущем столетии* (Москва, 1867)⁷. Это самый подробный тогда на русском языке обзор представлений о соотношении тела и души от Спинозы до Вильгельма Вундта – основателя современной экспериментальной психологии, который в 1860-х годах в Европе открывает свои первые лаборатории. Теории аффектов в книге Троицкого уделено очень мало места – лишь при изложении психологии И.Ф. Гербарта (Троицкий 1867: 268-269). Это объясняется тем, что аффекты рассматривались тогда по другому ведомству – судебной медицины и психиатрии (теории душевных расстройств).

Можно предполагать, что интерес к исследованию Троицкого у Тургенева был подготовлен чтением в начале 1860-х годов научных статей в журнале “Русское слово”. Как установила Л.А. Балыкова, Тургенев читал здесь статьи о Дарвине, обзоры В. Зайцева, переводные статьи М.Ф.К. Биша (Bichat) *Физиологические исследования о жизни и смерти* (1800) (Балыкова 2005: 103-104). Судя по всему, с 1867 года Тургенев выписывал новый научный журнал “Revue de la Philosophie positive”, издаваемый Э.

⁶ В письме А.А. Фету 27 мая (8 июня) 1860 г. Тургенев сообщал: “Я собираюсь работать, или, собственно говоря, читать. Я давно ничего путного не читал и отстал. Принялся за Карла Фогта. Ужасно умен и тонок этот гнусный материалист!” (Тургенев 1987: 199).

⁷ Об этом Тургенев сообщает в письме П.В. Анненкову 22 декабря 1867 года (Тургенев 1990: 87).

Литтре и Г.Н. Вырубовым с 1867 года и публиковавший статьи не только по философии и этике, но и по медицине, биологии, физиологии и другим наукам (*Там же*: 138). Во второй половине 1860-х годов Тургенев мог приобрести книгу *Populäre wissenschaftliche Vorträge* Г. Гельмгольца (1865), сохранившуюся в его парижской библиотеке (Ashton и др. 2019: 93).

На конец 1860-х годов приходится наиболее пристальное внимание Тургенева к передовому краю физиологии – психофизиологии. Главным “поставщиком” таких сведений для писателя оказался его старый друг и оппонент – А.И. Герцен. В письме от 8 (20) декабря 1867 года Герцен сообщал о своей поездке в Милан к сыну Александру, где тот занял место доцента и читал лекции: “Я только что из Флоренции. Все процветает, Саша заменил Савонаролу и читает проповеди о желудке – там, где тот читал о духе. Посылаю одну тебе” (Баскаков и др. 1986: 255). Какую же брошюру получил Тургенев? В комментариях к полному собранию сочинений Герцена и, соответственно, в *Летописи жизни и творчества* Тургенева (Мостовская 1997: 51) ошибочно указана гораздо более поздняя и известная книга Александра Герцена-младшего *Conversations physiologiques* (*Физиологические беседы*, 1899). В 1867 году А.А. Герцен находился лишь в начале своей научной карьеры и публиковал во Флоренции тонкие брошюры в серии “La scienza del popolo” – свои публичные лекции. Герцен-отец мог послать Тургеневу единственную к тому времени напечатанную 47-страничную лекцию *Fisiologia del sistema nervoso: lettura fatta al Museo di fisica e storia naturale in Firenze il 6 gennaio 1867* (Firenze 1867). Мог Тургенев прочесть и последовавшие за этой брошюры Герцена-младшего – *Sulla parentela fra l'uomo e le scimmie: lettura del dott. Alessandro Herzen fatta a Firenze nel Reale Museo di storia naturale, il 21 marzo 1869* (Firenze 1869) и *Analisi fisiologica del libero arbitrio umano* (Firenze 1870)⁸.

Очевидно, по прочтении этих книг между Тургеневым и А.А. Герценом в 1868 году завязалась несохранившаяся переписка, в результате которой писатель получил от ученого его докторскую диссертацию. Об этом Тургенев сообщал А.И. Герцену 27 февраля (11 марта) 1869 года: “Сын твой прислал мне свою диссертацию, которую я прочел с интересом” (Тургенев 1995: 165). Комментарий в полном собрании сочинений к этой фразе отсутствует, однако сегодня без труда можно установить, что речь идет о работе *Expériences sur les centres modérateurs de l'action réflexe*⁹ (H. Loescher, Turin 1864; “Опыты с центрами, регулируемыми рефлексy”), развивавшей идеи научного руководителя диссертанта Морица Шиффа и цикл работ о рефлексах головного мозга Ивана Сеченова. В октябре 1869 года Тургенев возобновил переписку с А.А. Гер-

⁸ Наличие книг проверено по онлайн каталогу Научной библиотеки Флорентийского университета: https://onsearch.unifi.it/primo-explore/search?query=any,contains,alessandro%20herzen&tab=default_tab&search_scope=AllResources&vid=39UFI_V1&lang=it_IT&offset=0&fromRedirectFilter=true (дата доступа: 08.03.2024).

⁹ На сайте библиотеки Оксфордского университета доступна полная версия диссертации: <http://dbooks.bodleian.ox.ac.uk/books/PDFs/N10862592.pdf> (дата доступа: 08.03.2024).

ценом и сообщал ему, в частности, о высокой оценке его трудов: “Я всегда с большим удовольствием читал ваши дельные и умные брошюры и с участием следил за вашей карьерой. Я знаю, что вы занимаете во Флоренции видное место и что ваша деятельность встречает сочувствие и одобрение” (Тургенев 1994: 68)¹⁰.

Можно предполагать, что интенсивное чтение исследований европейских физиологов в 1867-69 годах побудили Тургенева обратить внимание и на их русских коллег. В начале марта 1871 года Тургенев в письме к Полине Виардо сообщал о посещении публичной лекции И.М. Сеченова: “Вчера я присутствовал на публичной лекции одного из наших лучших физиологов, г-на Сеченова. Он объяснял функции глаза – очень ясно и научно. Я сидел совсем близко от него – он предложил мне принять участие в некоторых опытах – как приятелю” (Тургенев 1999: 324). Согласно комментарию к письму, Тургенев посетил лекции ученого в клубе художников (*Там же*: 427). Воспоминания самого Сеченова позволяют дополнить этот эпизод любопытными подробностями:

В зиму 1868 года я читал в Художественном клубе публичные лекции, и на одну из них пришел И.С. Тургенев. Ему, как почетному гостю, отвели место с боку кафедры. Читал я в этот вечер о пространственном видении, и когда речь дошла до влияния степени сведения глаз на кажущуюся величину предметов – факта, видимого лишь в стереоскоп при сдвигании и раздвигании стереоскопических рисунков, – Иван Сергеевич был так любезен, что согласился засвидетельствовать перед публикой справедливость факта, посмотрел в зеркальный стереоскоп Уитстона, стоявший на кафедре, и заявил громким голосом, что действительно видел изменение величин образов в сказанном направлении (Сеченов 1907: 139-140).

Точный в воспроизведении сути эксперимента, Сеченов неверно датирует эту встречу зимой 1868 года: ее Тургенев провел в Баден-Бадене и в Петербурге быть не мог, оказавшись там и посетившим лекции ученого два года спустя, в 1871 году. Попутно возникает вопрос, прочел ли писатель в 60-е годы резонансную книгу Сеченова *Рефлексы головного мозга* (1864-1866), проштудированную, например, Ф.М. Достоевским. Пока нам не удалось найти документальных подтверждений этому, однако Тургенев точно представлял себе теорию Сеченова по ее резюме в диссертации А.А. Герцена.

Серьезный интерес к физиологии и психологии Тургенев проявлял и позже (в 1870-начале 1880-х годов), однако для нашей цели реконструировать дискурсивный контекст *Степного короля Лиры* достаточно и примеров из второй половины 1860-х годов. Хотя мы пока не обнаружили данных о чтении Тургеневым каких-либо исследований о психических патологиях или аффектах (само это слово в полном собрании сочинений писателя не встречается), в *Степном короле Лире* все же есть одно понятие

¹⁰ Подробнее о научной карьере А.А. Герцена и его спорах с отцом см. Сироткина 2001.

– меланхолии, которое в середине XIX века обозначало душевное расстройство и которое играет важную роль в развитии внутренней драмы Харлова.

3. *Деспотизм аффектов: меланхолия как душевное расстройство*

Когда повесть была в целом закончена, Тургенев, по совету П.В. Анненкова, добавил в текст небольшую главу (IV) о меланхолии и масонстве Мартына Петровича, которая написана в совершенно другой, интроспективной технике прозрачного сознания, и контрастирует с ограниченным кругозором молодого рассказчика. По своей нарративной природе это описание обладает отчетливой романной темпоральностью и делает характер Харлова более объемным и многомерным, заполняя очевидную лакуну в мотивах его поведения (Муратов 1980: 71-72).

Напомню, что Харлов читает масонский журнал Николая Новикова “Покоящийся трудолюбец” XVIII века, из которого герой цитирует *Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке и о средствах, какие в тех случаях употреблять должно*. Мартын Петрович использует его, чтобы противостоять “припадкам меланхолии”, время от времени находившим на него. Исследователи справедливо толковали масонские интересы Харлова как эффектный прием историзации его образа (Zöldhelyi-Deák 1991: 201-202; Волков 2022: 276-284)¹¹. За счет опосредованной чтением связи с Новиковым и московскими мартинистами (отсюда и имя Мартын: Волков 2022: 278) Тургенев добивается усложнения внутреннего мира читающего по складам дворянина. Как мне представляется, апелляция к меланхолии выполняет в повести еще и другую функцию – как это ни парадоксально, патологизации поведения Харлова.

Появление меланхолии, упомянутой в тексте несколько раз, конечно, не случайно: как показывает ее культурная история, она довольно рано была медиализована и к концу XVIII века воспринималась как базовый аффект, указывающий на расстройство (Юханнисон 2021: 27-43; Jameson 2013: 35). Несмотря на постепенную нормализацию, к середине XIX века меланхолия вошла в медицинские классификации душевных расстройств (Юханнисон 2021: 44-60) и даже в законодательство. Так, в начале 1860-х годов Медицинский совет при Министерстве внутренних дел Российской империи дополнил сферу приложения статьи Свода законов о безумии и помешательстве, внося в нее “меланхолию как по преимуществу болезнь воли” (Аскоченский 1866: 39-40). Вышедший в Петербурге в 1867 году перевод пособия известного немецкого психопатолога, основоположника современной психиатрии Вильгельма Гризингера *Душевные болезни* относил меланхолию к психопатологическим состояниям душевной подавленности:

¹¹ Есть первые попытки (Солис 2018) проанализировать бытование понятия “меланхолии” в переписке и романах Тургенева, однако их следует признать не очень удачными (если в романах автор в самом деле находит слово “меланхолия”, то в переписке – нет).

Основное страдание во всех формах этой болезни заключается в болезненном преобладании тяжелого, подавляющего отрицательного душевного аффекта, в состоянии психической боли. Состояние это может в начале, в самой чистой, первоначальной форме тоски, оставаться некоторое время в виде беспредметных ощущений страха, подавленности, печали (Гризингер 1867: 223-223).

Опираясь на предшествующие исследования, Гризингер отмечал, что большинство психических болезней начинается со Stadium melancholicum (*Там же*: 224), а затем приводят к сумасшествию. В дискурсивном плане характерно, что Гризингер использует понятие “аффект” для описания основной формы выражения болезненных состояний психики. Гризингер подробно описал разновидности меланхолии – от религиозной до монomanии самоубийства и бешенства (*Там же*: 261-289).

В таком контексте становится понятно, что меланхолия Харлова – не просто отсылка к реалиям XVIII столетия и синоним тоски, но актуальный для времени публикации повести медицинский диагноз. Неслучайно и использование Тургеневым слова “припадок” (Тургенев 1981: 165): оно намекает читателю на периоды обострения у Мартына Петровича, в которые он склонен впадать в аффектацию и совершать иррациональные поступки. Соответственно, дальнейшее повествование разворачивается как все более частое проявление аффективных приступов Харлова. Он то “довольно легко раздражался” (*Там же*: 165), то впадал в оцепенение и тоску. Рассказчик резюмирует такой *modus vivendi* запоминающейся фразой “русский был человек” (*Там же*). Учитывая медиализованный контекст меланхолии, нельзя не видеть в этом высказывании о национальной идентичности глубокую иронию имплицитного автора.

Нестабильное душевное состояние героя проявляется в серии припадков меланхолии и вещем сне, в результате которых он решается на раздел имения. Он оформлен как своеобразный спектакль власти и напоминает очередной приступ, только на сей раз уже возбуждения и необычайной ажитации. Они так же внезапно, по совершении акта, сменяются грустью и протрацией, снова кодируемых рассказчиком как “меланхолия” (*Там же*: 184). За трапезой после церемонии Харлов снова возбуждается: “Харлов поднялся со стула, разинул рот, но, видно, язык изменил ему... Он вдруг ударил кулаком по столу, так что все в комнате подпрыгнуло и задрезбужало” (*Там же*: 187).

После нескольких месяцев отсутствия рассказчик истории возвращается в имение и становится свидетелем трагической развязки драмы Харлова. Поначалу Мартын Петрович находится в полной протрации из-за притеснений, которые он терпит от дочери и зятя Слеткина в собственном доме. Пытаясь пробудить в Харлове волю к жизни, рассказчик сталкивается со вспышкой агрессии:

– Уйди! – закричал он еще раз, – а то убью тебя, ей-богу, чтобы другим повадно не было!

Он дрыгнул всем телом как-то вбок и оскалился, точно кабан; я схватил ружье и бросился бежать (*Там же*: 203).

Именно во время этой сцены рассказчик наконец выдвигает про себя гипотезу о том, что Харлов “с ума сошел” (*Там же*). Далее события развиваются стремительно. Через три недели дочь с зятем изгоняют Харлова из дома, и он впадает в состояние аффекта, из которого ему уже не суждено выйти. Когда он, грязный и потный, прибегает в дом матери рассказчика, “он дышал тяжело и судорожно; что-то клокотало в его груди – и на всей этой забрызганной темной массе только и можно было различить явственно, что крошечные, дико блуждавшие белки глаз. Он был ужасен!” (*Там же*: 205). Физиологизация описания Харлова достигает кульминации: начиная с этого эпизода Тургенев все больше фокусирует внимание на телесных проявлениях аффекта и бешенстве героя, которое может привести к преступлению. Он сбивчиво рассказывает, как “в головушке помутилось, по сердцу как ножом...” (*Там же*: 209), и он решает зарезать своего зятя Слеткина, но вовремя убегает из дому. Однако идея мести вновь обурекает им, когда брат его покойной жены (Сувенир) провоцирует его, иронизируя над потерей Харловым своего крова: “...он задышал скорее, под ушами у него вдруг слово припухло, пальцы зашевелились, глаза снова забегали среди темной маски забрызганного лица” (*Там же*: 211). Будучи созвучным с “кровью”, слово “кров”, очевидно, и наталкивает Харлова на мысль об уничтожении крыши собственного дома. В этот момент “лицо его посинело, пена показалась на его истресканных губах” (*Там же*: 212).

Крайняя степень аффекта подчеркивается здесь, с одной стороны, описанием как будто автономного, а по сути рефлекторного движения частей тела независимо от воли их обладателя, а с другой, появлением пены на губах – признаком животного бешенства. Аналогия с гигантским ископаемым млекопитающим, равно как и с медведем или кабаном, становится здесь буквальной.

Кульминации медиализация в изображении Харлова достигает в сцене его смерти. Здесь Тургенев дает весьма натуралистичное описание предсмертной телесной судороги: “...вдруг ноги Харлова как-то безобразно повело и живот тоже; по лицу, снизу вверх, прошла неровная¹² судорога – точно так же исказилось и задрожало лицо Евлампии”¹³ (*Там же*: 221). Данные НКРЯ показывают, что после первого всплеска популярности слово “судорога” в русской прозе в 1830-е годы второй подъем и выход на плато стабильного употребления происходит в 1860-е годы. Можно утверждать, что в *Степном короле Лире* Тургенев откликается на эту тенденцию к адаптации физиологических понятий и терминов в языке художественной литературы.

¹² В черновом автографе также стоит прилагательное “неровная” (Лотман 1969: 198). Примечательно, что оно отличается от “нервная” всего лишь одной буквой.

¹³ Удвоение судороги намекает на наследственность: властность и аффективность переходит к Евлампии от отца, поэтому она и становится “хлыстовской богородицей” в эпилоге.

Кульминационную в сюжетном плане сцену, когда Харлов разрушает крышу собственного дома, следует понимать как проявление крайнего аффекта, хотя следует подчеркнуть, что Тургенев удерживается от объявления Мартына Петровича безумным и невменяемым (хотя в проанализированное выше описание может быть сближено с историями болезней реальных пациентов из статей 1860-х годов). Тонкая грань не перейдена, и *Степной король Лир* все-таки не является историей одной патологии, а остается многозначным художественным повествованием, в котором медицинская версия происходящего (меланхолия как диагноз) возможна лишь как подтекст.

* * *

Подход, какой я предлагаю для прочтения позднего Тургенева, помогает обнаружить внутренний конфликт между характером персонажа и шекспировским типом в *Степном короле Лире*. Если на уровне сюжета действия Харлова до определенного момента манифестируют его власть над дочерьми и другими героями, то на уровне нарративного изображения психики героя оказывается, что он не способен властвовать над своим телом: это аффекты и рефлексy властвуют над ним. Можно заключить, что история русского короля Лира из степной полосы Российской империи – это во многом история о деспотизме его аффектов. В истории, поданной с точки зрения рассказчика, тело гипостазирyется и метонимически замещает личность Харлова, который страдает душевным расстройством (меланхолией). В итоге Мартын Петрович проигрывает в масонской борьбе со страстями: он склонен к гордыне, самоотрицанию, спеси, аффекту – т.е. всем страстям, которые масонский кодекс призывал укрощать. Эта напряженная борьба Харлова с самим собой сопровождается интенсивными телесными и физиологическими проявлениями, откровенность которых поразила первых читателей повести.

Как я попытался показать, такая эстетическая реакция была глубоко закономерной, поскольку была следствием интенсивной физиологизации повествовательного стиля в прозе Тургенева конца 1860-х годов. Если в *Отцах и детях* новый научный язык фактов становится темой романа и проблематизируется (Holquist 1981), в поздних текстах, начиная с *Несчастной* и *Степного короля Лира*, Тургенев операционализирyет язык физиологии и психологии, делая его конструктивным элементом повествования. В этом плане проза Тургенева находилась в русле тех же нарративных экспериментов, что и у Достоевского и Толстого.

Источники

Аскоченский 1866:

А. Аскоченский, *Об освидетельствовании умалишенных по действующим в России законам*, “Архив судебной медицины и общественной гигиены”, 1866, 3, с. 24-48.

- Баскаков и др. 1986: В. Баскаков (сост.), *Переписка И.С. Тургенева: в 2 т.*, I, Москва 1986.
- Гризингер 1867: В. Гризингер, *Душевные болезни: Для врачей и учащихся*, пер. со 2-го нем. изд., под ред. Ф.В. Овсянникова, Санкт-Петербург 1867.
- Достоевский 1986: Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 т.*, XXIX/1, Ленинград 1986.
- Ланге 1890: К. Ланге, *Аффекты (Душевные движения)*, Санкт-Петербург 1890.
- Лион 1868: А. Лион, *Аффекты и страсти*, "Архив судебной медицины и общественной гигиены", 1868, I, с. 1-21.
- Пиксанов, Цеховницер 1940: Н.К. Пиксанов, О.В. Цеховницер (сост.), *Шестидесятые годы*, Москва-Ленинград 1940.
- Сеченов 1907: И.М. Сеченов, *Автобиографические записки*, Москва 1907.
- Троицкий 1867: М.М. Троицкий, *Немецкая психология в текущем столетии*, Москва 1867.
- Тургенев 1981: И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.*, VIII, Ленинград 1981.
- Тургенев 1987: И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 18 т.*, IV, Ленинград 1987.
- Тургенев 1990: И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 18 т.*, VIII, Ленинград, 1990.
- Тургенев 1994: И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 18 т.*, X, Санкт-Петербург 1994.
- Тургенев 1995: И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 18 т.*, IX, Санкт-Петербург 1995.
- Тургенев 1999: И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 18 т.*, XI, Санкт-Петербург 1999.
- Lion 1866: A. Lion, *Affekte und Leidenschaften, nach dem neuesten Standpunkt der Wissenschaft und Gesetzgebung*, Neuwied 1866.

Литература

- Балыкова 2005: Л.А. Балыкова, *Тургенев – читатель. По страницам мемориальной библиотеки*, Орел 2005.

- Вайсман и др. 2020: М. Вайсман, А. Вдовин, И. Клингер, К. Осповат, *Введение. "Реализм" и русская литература XIX века*, в.: Они же (сост.), *Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование*, Москва 2020, с. 5-66.
- Волков 2022: И.О. Волков, *Уильям Шекспир в художественном мире И.С. Тургенева ("Тамлет" и "Король Лир")*, Москва 2022.
- Лотман 1969: Л.М. Лотман, *Черновая редакция "Степного короля Лиры"* в: *Тургеневский сборник*, V, Ленинград 1969, с. 147-207.
- Мостовская 1997: Н.Н. Мостовская, *Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. 1867-1870*, Санкт-Петербург 1997.
- Муратов 1980: А.Б. Муратов, *Повести и рассказы Тургенева 1867-1871 годов*, Ленинград 1980.
- Осьмакова 1984: Л.Н. Осьмакова, "Таинственные" повести и рассказы И.С. Тургенева в контексте естественно-научных открытий второй половины XIX века, "Филологические науки", 1984, 1, с. 9-13.
- Сироткина 2001: И. Сироткина, *Герцен-отец и Герцен-сын: спор о науке и человеке*, "Вопросы истории естествознания и техники", 2001, 4, с. 5-24.
- Солис 2018: Ж.И. Солис, *Мотивно-тематический комплекс меланхолии в переписке И.С. Тургенева (1859)*, "Спасский вестник", XXVI, 2018, 1, с. 273-279.
- Фомина 2014: Е. Фомина, *Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева*, Tartu 2014.
- Юханнисон 2021: К. Юханнисон, *История меланхолии*, Москва 2021⁵.
- Ashton и др. 2019: A. Ashton и др., *Turgenev Library at Vassar in: Ivan Turgenev and His Library. An Exhibition*, Poughkeepsie (NY) 2019, с. 55-94.
- Beer 1983: G. Beer, *Darwin's Plots: Evolutionary Narrative in Darwin, George Eliot and Nineteenth-Century Fiction*. Cambridge 1983.
- Cohn 1978: D. Cohn, *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*, Princeton 1978.
- Dames 2007: N. Dames, *The Physiology of the Novel: Reading, Neural Science and the Form of Victorian Fiction*, Oxford 2007.
- Dames 2011: N. Dames, *1825-1880. The Network of Nerves* in: D. Herman (ed.), *The Emergences of Mind: Representation of Consciousness in Narrative Discourse in English*, Lincoln-London 2011.
- Dossi 2022: G. Dossi, *Unseemly Selves: Russian Realism and Early Psychiatry*. PhD dissertation, Harvard 2022.
- Fludernik 1993: M. Fludernik, *The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness*, London-New York 1993.

- Holquist 1984: M. Holquist, *Bazarov and Secenov: The Role of Scientific Metaphors in Fathers and Sons*, "Russian Literature", XVI, 1984, 4, с. 359-374.
- Jameson 2013: F. Jameson, *The Antinomies of Realism*, London 2013.
- Levine 1988: G. Levine, *Darwin and the Novelists. Patterns of Science in Victorian Fiction*, Boston (MA) 1988.
- Merten 2003: S. Merten, *Die Entstehung des Realismus aus der Poetik der Medizin. Die Russische Literatur der 40er bis 60er Jahre des 19. Jahrhunderts*, Wiesbaden 2003.
- Palmer 2004: A. Palmer, *Fictional Minds*, Lincoln (NE) 2004.
- Zöldhelyi-Deák 1991: Z. Zöldhelyi-Deák, К проблеме "мировых образов" в произведениях И. С. Тургенева ("Степной король Лир") в: *Ex Oriente Lux. Melanges offerts en hommage au professeur Jean Blankoff, a l'occasion de ses soixante ans*, II, Bruxelles 1991, с. 197-209.

Abstract

Alexey Vdovin

Realism of Affects: Corporality, Physiology and Mental Disorder in King Lear of the Steppes by I.S. Turgenev

This article explores the interaction between the Realist literary style and contemporary scientific discourse in Ivan Turgenev's novella *King Lear of the Steppes* (1870). Drawing on recent research on the intersections between Realism and modern scientific knowledge, the analysis focuses on the influence of 1860s physiological psychology and affect theory – fields that, as the article argues, were of particular interest to Turgenev. Through a close reading of the physiological depiction of the protagonist, Martyn Charlov, and his body, the article demonstrates how Turgenev constructs the character's subjectivity at both the stylistic and narrative levels through descriptions of his affects, especially those caused by melancholy. The article also uncovers the medical connotations of the term "melancholy" in the 1860s, when it was regarded as a form of mental illness and clinical diagnosis. Consequently, Charlov's episodes of melancholy may be interpreted as an authorial allusion to this disorder, casting an ironic light on the narrator's claims regarding the protagonist's authentic "Russianness".

Keywords

Ivan Turgenev; *King Lear of the Steppes*; Narratology; Physiology; Affects.